

КАРИН МИХАЭЛИС — ИЗВЕСТНАЯ ДАТСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА — ПРИЕХАЛА В СССР.

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 65 (381).

24 МАЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

★ Президиум ВЦИК назначил председателем Комитета по охране памятников революции, искусства и культуры при Президиуме ВЦИК тов. Ф. Я. Мона.
★ Исполнилось 15-летие Воронежского университета. Председатель Совнаркома РСФСР тов. Д. Е. Сулимов послал университету приветственную телеграмму.

★ В Ленинградском театре оперы и балета решено поставить трагедию Софокла «Царь Эдип». Главная роль поручена засл. арт. Н. А. Печниковскому.
★ В Кадниеве (Домбасс) началось строительство Дворца культуры и нового звукового кино. На строительство ассигновано 3 млн. рублей.

Дневник Литературной газеты

24 МАЯ
У нас много говорят о создании подлинной творческой среды, об общественной работе среди писателей, но делают далеко не все для того, чтобы эти условия обеспечить. Нельзя сказать, чтобы не искались новых форм работы; их изобретают почти также легко, как и раньше. Между тем, как и всегда это бывает, формы подлинной творческой работы самые простые. Но именно в силу своей простоты они и очень сложные, трудные. Ибо они требуют глубокого знания предмета, органической заинтересованности в нем, профессионального умения и высокой зрелости.

Пример сочетания всех этих качеств показал нам Н. С. Тихонов, сделавший замечательный доклад на всесоюзном поэтическом совещании. В большинстве случаев литературные доклады не отличаются профессионально-производительной конкретностью, и часто наши докладчики оперируют общими формулами, не подкрепляя их конкретным анализом литературных фактов и явлений. Производственный разговор почему-то отягачивают в монополю формалистских, которые, конечно, в силу своей фактической ограниченности не могут его сделать настоящим, полноценным производственным разговором.

Тов. Тихонов своим докладом показал, как можно и нужно соединить идейную четкость и принципиальность с профессиональным, производственным подходом к читателю. Это — доклад мастера — мастера. Именно поэтому так захватывающий его доклад. Именно поэтому в нем содержится «открытие» для каждого поэта — и каждый из него мог извлечь для себя уроки.

Мы потому остаемся внимательными на докладе т. Тихонова, что такие доклады у нас, к сожалению, очень редки и что именно таким должны быть все литературные доклады. Добиться этого не так-то легко, о чем можно судить хотя бы по тому, что и на поэтическом совещании прения не носили того подлинно производственного характера, который намечал доклад т. Тихонова. Это не легко, но этого нужно добиваться. Через съезды приходится еще ряд производственных совещаний: доклады, критика, очерки и т. д. Необходимо, чтобы они были подлинно производственными, без общих разговоров, никому ничего не дающих, без болтовни.

В нашей стране выработался замечательный сталинский стиль работы, который не терпит «завязки» вопроса «вообще» и рассуждений «по поводу». Этот стиль требует овладения техникой.

Он обязателен и для литераторов.

За чайной чаем в Доме Культуры состоялась эта совсем необычная в практике работы наших литературно-

Подготовка к юбилею А. Тагирова
Развертывается подготовка к празднованию 25-летнего юбилея литературной деятельности бакинского писателя Ахмета Тагирова. 20 мая начался в Уфе в районах докладов и литературных вечеров, посвященных творчеству писателя. В Бакинском профсоюзном собрании партактива, на котором был поставлен доклад о творчестве Тагирова. Намечается собрание на шимшаевских нефтепромыслах, моторном и паровозоремонтном заводе и др.

ПРОФЕССОР СЕЛЛЕРЬЕ — ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ

Ленинград. Перед отъездом за границу участник франко-русской декады научного сближения директор испытательной лаборатории Национального музея искусств и ремесел в лаборатории научных исследований Луврского музея проф. Жан-Фернанд Селлерье через нашего корреспондента передал следующее приветствие:

Я приветствую всесоюзную «Литературную газету», которая компетентно и с большим вкусом занимается вопросами искусства. Эта область очень важна, так как в СССР насчитывается огромное количество произведений искусства. Мне очень приятно надеяться, что в результате сердечных отношений, возникших между известными представителями советской науки и членами французской делегации, мы сможем позволить себе вернуться в СССР, чтобы здесь вполне наследовать сокровища литературы и искусства.

Проф. СЕЛЛЕРЬЕ.

художественных журналов встреча. Редакция ленинградского журнала «Литературный современник», готовясь к всесоюзному писательскому съезду, решила познакомиться с «литературной жизнью» писателем своих постоянных подписчиков.

Инициативная редакция правильно отказалась от торжественных заседаний, широкообластных и скудных докладов, вручения знамен и прочих атрибутов обычных читательских конференций.

Это была дружеская, почти интимная, беседа руководства журнала и нескольких писателей со своими постоянными читателями — рабочими «Красного путеводца», «Двигателя», «Пролетария», им. Марти и др. ленинградских заводов и фабрик.

«Гости» высказали ряд интересных соображений о творчестве, языке, поэзии, критике, конкретных произведениях советских писателей. Эта встреча еще раз показала, насколько велики и многообразны требования рабочего-читателя к «инженерам человеческих душ».

Несмотря на то, что не все гладко прошло в этой встрече (как волнует, не все приглашенные писатели сочли своим долгом откликнуться на приглашение редакции), почти «Литературного современника» бесспорно заслуживает всестороннего одобрения и поощрения.

Сейчас идет большая напряженная работа по подготовке к всесоюзному съезду. С сожалением приходится констатировать, что такие серьезные творческие писательские центры, как литературно-художественные журналы, принимают очень слабое участие в подготовке к съезду.

В лучшем случае они готовят специальные номера, а то и ограничиваются тем, что публикуют продолжение романов, начатых еще печатанием в январе.

Во всяком случае на один из наших литературных журналов настоятельной серьезной массовой работы с читателями не ведет.

Наши журналы, как правило, не интересуются ни составом своих подписчиков, ни их читательскими интересами и мнениями, как правило же, наши журналы почти никак не связаны с библиотеками крупнейших наших заводов.

Самое собой разумеется, что речь идет не об однократном извлечении своих чувств к читателям. В конце концов не так уж трудно организовать одну такую «встречу» и тут же пойти на мимных лаврах. Речь идет о системе работы, об установлении постоянных, крепких и интимных связей со своими читателями.

БИБЛИОТЕЧНЫМ ФРОНТУ ПИСАТЕЛЬСКОМУ СЪЕЗДУ

Н. К. КРУПСКАЯ

Советская литература на данном этапе приобретает совсем особое значение. Пусть она несовершенна еще — много еще в некоторых из лучших современных художественных произведений пространных описаний, пустошорных разговоров, много еще шепшухи. Но тут же бок о бок с ненужными и искусственным заменительными силами, полные жизненной правды, дающие яркие картины социалистической стройки во всей ее сложности, во всей ее значимости, показывающие рост нового социалистического уклада во всей его конкретности.

Сейчас в стране Советов художественная литература становится громадной силой. «Истина всегда конкретна». И современная литература, отражающая социалистическое строительство, дающая живые образы, приобретает все большее и большее пролетарское значение. Это пропаганда покоем. Надо только писателю научиться смотреть, видеть и уметь отражать эти ростки новой жизни. Советским писателям есть о чем поговорить, съезд писателей сейчас особенно важен.

Раньше читал художественную литературу сравнительно незначительный слой интеллигенции. Сейчас ее читают миллионы трудящихся. Научная психология утверждает, что крестьяне, рабочие, агрономы, инженеры и пр. мыслят сугубо конкретно, живыми образами. И понятно, с какой жаждой насыщаются они на художественную литературу, рисующую современность, она является для них ключом к пониманию действительности.

Современный писатель всегда должен иметь в виду, что он пишет для массы. Масса колоссально выросла за последние годы. И в бокающую ошибку впал бы писатель, который воображал бы, что для того, чтобы быть понятым, надо впадать в какие-то упрощения. Но тесная связь с читателем-работником, с читателем-колхозником может дать современному писателю чрезвычайно много.

Может помочь ему стать писателем социалистического типа. Надо научиться ему слушать и слышать голос массового читателя. Этот голос может навести его на ряд новых мыслей, увидеть новые стороны жизни, глубже походить к их изучению и сделать свое произведение мощным воспитанием масс.

Библиотекарь имеет постоянную связь с читательской массой, и он может стать — при известных условиях — помощником писателя в деле общения его с массой. Но это лишь при условии, если он сам умеет ухватывать социалистическую проблематику художественного произведения, если он

умеет работать с читателем. Это не всегда бывает. Она из задач библиотечного управления Наркомпроса — помочь библиотекарю работать с массой, помогая массе разбираться в читаемом материале и в то же время прослушиваясь к голосу читателя. «Лицом к социалистически организованной массе» должен стать библиотечный работник. Это не значит, конечно, что он должен идти на поводу у любого читателя. Он должен уметь критически относиться к читателю, помочь ему видеть. Как к писателю, так и к библиотекарю текущий момент предъявляет очень высокие требования, но вместе с тем открывает перед ними и чрезвычайно широкие перспективы.

Правильно организованный съезд является всегда обменом опытом. В данный момент обмен опытом советских писателей очень важен не только для них самих, но и для всей страны, в том числе и для библиотечной. Библиотекари должны готовиться к нему вместе с читателями. Среди библиотечной растет внимание к съезду, идет усиленное обсуждение художественных произведений, уже есть известный опыт. Пусть он еще раз является всегда обменом опытом. В данный момент обмен опытом советских писателей очень важен не только для них самих, но и для всей страны, в том числе и для библиотечной.

Библиотекарь имеет постоянную связь с читательской массой, и он может стать — при известных условиях — помощником писателя в деле общения его с массой. Но это лишь при условии, если он сам умеет ухватывать социалистическую проблематику художественного произведения, если он

что Москва, быть может, избрала верный путь, а коммунизм — единственно возможный выход, исключающий войну, насилие и нищету человечества.

Карин Михаэлис открыто симпатизировала мирным путем, ведущим к социализму.

Все же мертвецы скажут быстро, и так же быстро закончилась карьера демократической республики. Мирный путь демократических республик привел к кровавой власти террора фашистов всех окресток. Мирный путь расчищает дорогу самому кровавому господству и расчищает дорогу самой ужасной войне, которую когда-либо переживало человечество.

Не заметить этого невозможно: не заметить того, что против войны борется только одна единственная страна — Советский союз, тоже чрезвычайно трудно. В 1932 г. Карин Михаэлис вместе с Анри Барбюсом и М. А. Неске выступила на американском антивоенном конгрессе. После захвата власти Гитлером она выступила против террора германских фашистов. Но она еще не сделала вывода, не осознала того, что ее идеал также обладал сам себя и принял такие ужасные формы. В одной из ее последних книг («Зеленый остров») кое-где проскальзывает, что она уже вынуждена думать о том,

что Москва, быть может, избрала верный путь, а коммунизм — единственно возможный выход, исключающий войну, насилие и нищету человечества.

Карин Михаэлис открыто симпатизировала мирным путем, ведущим к социализму.

Все же мертвецы скажут быстро, и так же быстро закончилась карьера демократической республики. Мирный путь демократических республик привел к кровавой власти террора фашистов всех окресток. Мирный путь расчищает дорогу самому кровавому господству и расчищает дорогу самой ужасной войне, которую когда-либо переживало человечество.

Не заметить этого невозможно: не заметить того, что против войны борется только одна единственная страна — Советский союз, тоже чрезвычайно трудно. В 1932 г. Карин Михаэлис вместе с Анри Барбюсом и М. А. Неске выступила на американском антивоенном конгрессе. После захвата власти Гитлером она выступила против террора германских фашистов. Но она еще не сделала вывода, не осознала того, что ее идеал также обладал сам себя и принял такие ужасные формы. В одной из ее последних книг («Зеленый остров») кое-где проскальзывает, что она уже вынуждена думать о том,

что Москва, быть может, избрала верный путь, а коммунизм — единственно возможный выход, исключающий войну, насилие и нищету человечества.

Карин Михаэлис открыто симпатизировала мирным путем, ведущим к социализму.

Все же мертвецы скажут быстро, и так же быстро закончилась карьера демократической республики. Мирный путь демократических республик привел к кровавой власти террора фашистов всех окресток. Мирный путь расчищает дорогу самому кровавому господству и расчищает дорогу самой ужасной войне, которую когда-либо переживало человечество.

Не заметить этого невозможно: не заметить того, что против войны борется только одна единственная страна — Советский союз, тоже чрезвычайно трудно. В 1932 г. Карин Михаэлис вместе с Анри Барбюсом и М. А. Неске выступила на американском антивоенном конгрессе. После захвата власти Гитлером она выступила против террора германских фашистов. Но она еще не сделала вывода, не осознала того, что ее идеал также обладал сам себя и принял такие ужасные формы. В одной из ее последних книг («Зеленый остров») кое-где проскальзывает, что она уже вынуждена думать о том,

что Москва, быть может, избрала верный путь, а коммунизм — единственно возможный выход, исключающий войну, насилие и нищету человечества.

Карин Михаэлис открыто симпатизировала мирным путем, ведущим к социализму.

Все же мертвецы скажут быстро, и так же быстро закончилась карьера демократической республики. Мирный путь демократических республик привел к кровавой власти террора фашистов всех окресток. Мирный путь расчищает дорогу самому кровавому господству и расчищает дорогу самой ужасной войне, которую когда-либо переживало человечество.

„ГРУЗЧИКИ“ ЗА РУБЕЖОМ

Нью-Йоркский революционный Юнион-театр поставил пьесу «Грузчики» известного американского революционного драматурга Пели Питера, написанную совместно с Г. Силар.

Постановка получила прекрасные отзывы рабочего-зрителя и революционной американской критики. «Грузчики» — наиболее успешная из всех именованных в Америке попыток создать пролетарскую драму, пишет Майн Голд.

Краткое содержание пьесы таково: Неприятные грузчики организуют союз с белыми революционными рабочими. Хозяева всеми мерами пытаются сорвать эту организацию: подкупают бандитов, усилению разжигают расовую вражду. Наконец, воспользовавшись случаем, должным обвинением негра в убийстве белой женщины, хозяева переходят в открытое наступление. Основной жертвой намечается Лоники — один из наиболее революционных грузчиков. От личничества его спасает только организатор рабочих. Но это только усиливает злобу бандитской шайки хозяев, и в конце концов они устривают погром. Негра-работца решают отрезать наступление. Они вооружаются всем, чем могут. Женщины во всем принимают активное участие.

Напряженно достояние кульминационной точки — отменяет критика. Прибытие вооруженной шайки и открывает стрельбу. Баррикады смело отвечают на выстрелы.

«Батальная спешка, без оттенка фальшивой героики, поэтому волнующая», — пишет Голд. — Участники баррикады — простые трудящиеся, добродушные люди, такие же, как мы знаем мы с вами, и она борется за свою жизнь, и вы хотите помочь им. Лоники убивают. Его место руководителем занимает Бьюксейк — перригант.

Преимущество автоматических ружей перед жизнью вооруженных защитников баррикады начинает сказываться. Но в это время на помощь первым под командой руководителем союза Лии-Морриса прибывает белая шайка.

Первыми на американской сцене черные и белые рабочие объединяются против общего врага и враг отступил. «Они бегут!» — радостно кричит Бьюксейк.

«Могущественный образ единства черных и белых пролетариев навсегда замечается в памяти». Критика отмечает замечательные сцены в ложах, когда в полночь грузчики грузят тщи к сахаром: «Это изображение живого мира, который до сих пор не достиг театральных подмостков».

«Идеа «Грузчики», — оценивает пьесу Голд, — достигает той степени мастерства, когда она становится массовой силой, в данном случае призывом к действию за солидарность негров и белых в классовой борьбе».

„СЕМЬЯ ОПЕНГЕЙМ“

В амстердамском издательстве Кнеерло вышел новый роман Люне Фойхтвангера «Семья Опенгейм» — о судьбе еврейской крупной буржуазной семьи за время с конца 1932 до лета 1933 г.

Главные персонажи романа: братья Мартин, шеф известной мобильной фирмы, Эдгар, знаменитый драматург, Густава, вельскач и «мыслитель», владеет заводами в Гривенвальде под Берлином, член одного из «феодалных клубов», и их сестра Клара, жена некоего Жака Лавонделя, американского гражданина, выходящая из Галландии, человека достаточно состоятельного. Разражается национал-социалистическая революция и ударяет по Опенгеймам: Мартин вынужден объединиться со своим национал-социалистическим конкурентом и эмигрирует; Эдгар прогоняет из работы; Густава, 17-летний гимназист доверенный за этого национал-социалистом; Жак Лавондель превращается в сумасшедшего и покидает в конце романа свой замок в Лутанском озере, о чем вспоминает о замученном Бертольде, спрятавшем еврейский прадедушку, бедедугой на древнееврейском языке об Египте.

Роман представляет значительный интерес как для характеристики взглядов «либеральной» части антифашистской немецкой эмигрантской литературы, так и в особенности для развития творчества Фойхтвангера, который ограничил свой тему еврейской проблемой в Германии.

Фойхтвангер, говоря об антифашистском движении, уличивает о социально-политических корнях этого движения, о том, что это — движение революционного пролетариата, воспитанного в духе коммунистических идей.

Новый революционный роман
В нью-Йоркском издательстве «Феррар и Райнгард» вышла книга американского революционного писателя Роберта Кантуэлл «Страна избранных».

Почти все действие романа развертывается на заводе в течение вечерней смены. Автор показывает положение рабочих на производстве, рост недовольства и возмущения, готовность рабочих вступить в решительную борьбу.

«Книга позволяет читателю, — пишет по поводу романа известный американский критик Грэнвилл Хикс, — ощутить атмосферу завода, как никакой другой роман, прочитанный мной, и показывает необходимость воинственности рабочих...»

ТЯЖБА О НАСЛЕДСТВЕ

Некоторые писатели не критически осваивают классику, а подражают им.

Рис. А. Радакова

Карин Михаэлис в Москве

Имя Карин Михаэлис было известно во всем мире еще до войны. Ее книга «Опасный возраст» была издана почти на всех языках, выход книги был встречен большим шумом в прессе и серьезной, большей частью положительной критикой. Карин Михаэлис, безусловно, интересный художник, но признание ее творчества и ее мировая известность относились в первую очередь к ее мемуарам. Она осмелилась поднять вопрос о жизни женщины и об отношениях полов с открытостью, совершенно не свойственной в буржуазной литературе тридцатых лет.

За «Опасным возрастом» последовал еще ряд книг, и Карин Михаэлис приобрела интернациональную известность, выходящую на долю очень и очень немногих писателей. Война и революция также мало повлияли на ее популярность и на ее мировоззрение.

Мировоззрение Карин Михаэлис: против насилия, против всестороннего угнетения, за свободу, мир и культуру. Да, было время, когда левобуржуазная Европа верила, что это мировоззрение победило. Падение многих тронов и установление ряда «демократических» республик в то время, когда демократические республики были са-

мым высоким идеалом интеллигентной тина Карин Михаэлис, было воспринято ею как победа ее собственного мировоззрения.

Карин Михаэлис открыто симпатизировала мирным путем, ведущим к социализму.

Все же мертвецы скажут быстро, и так же быстро закончилась карьера демократической республики. Мирный путь демократических республик привел к кровавой власти террора фашистов всех окресток. Мирный путь расчищает дорогу самому кровавому господству и расчищает дорогу самой ужасной войне, которую когда-либо переживало человечество.

Не заметить этого невозможно: не заметить того, что против войны борется только одна единственная страна — Советский союз, тоже чрезвычайно трудно. В 1932 г. Карин Михаэлис вместе с Анри Барбюсом и М. А. Неске выступила на американском антивоенном конгрессе. После захвата власти Гитлером она выступила против террора германских фашистов. Но она еще не сделала вывода, не осознала того, что ее идеал также обладал сам себя и принял такие ужасные формы. В одной из ее последних книг («Зеленый остров») кое-где проскальзывает, что она уже вынуждена думать о том,

что Москва, быть может, избрала верный путь, а коммунизм — единственно возможный выход, исключающий войну, насилие и нищету человечества.

Карин Михаэлис открыто симпатизировала мирным путем, ведущим к социализму.

Все же мертвецы скажут быстро, и так же быстро закончилась карьера демократической республики. Мирный путь демократических республик привел к кровавой власти террора фашистов всех окресток. Мирный путь расчищает дорогу самому кровавому господству и расчищает дорогу самой ужасной войне, которую когда-либо переживало человечество.

что Москва, быть может, избрала верный путь, а коммунизм — единственно возможный выход, исключающий войну, насилие и нищету человечества.

Карин Михаэлис открыто симпатизировала мирным путем, ведущим к социализму.

Все же мертвецы скажут быстро, и так же быстро закончилась карьера демократической республики. Мирный путь демократических республик привел к кровавой власти террора фашистов всех окресток. Мирный путь расчищает дорогу самому кровавому господству и расчищает дорогу самой ужасной войне, которую когда-либо переживало человечество.

Не заметить этого невозможно: не заметить того, что против войны борется только одна единственная страна — Советский союз, тоже чрезвычайно трудно. В 1932 г. Карин Михаэлис вместе с Анри Барбюсом и М. А. Неске выступила на американском антивоенном конгрессе. После захвата власти Гитлером она выступила против террора германских фашистов. Но она еще не сделала вывода, не осознала того, что ее идеал также обладал сам себя и принял такие ужасные формы. В одной из ее последних книг («Зеленый остров») кое-где проскальзывает, что она уже вынуждена думать о том,

что Москва, быть может, избрала верный путь, а коммунизм — единственно возможный выход, исключающий войну, насилие и нищету человечества.

Карин Михаэлис открыто симпатизировала мирным путем, ведущим к социализму.

Все же мертвецы скажут быстро, и так же быстро закончилась карьера демократической республики. Мирный путь демократических республик привел к кровавой власти террора фашистов всех окресток. Мирный путь расчищает дорогу самому кровавому господству и расчищает дорогу самой ужасной войне, которую когда-либо переживало человечество.

что Москва, быть может, избрала верный путь, а коммунизм — единственно возможный выход, исключающий войну, насилие и нищету человечества.

что Москва, быть может, избрала верный путь, а коммунизм — единственно возможный выход, исключающий войну, насилие и нищету человечества.

Карин Михаэлис открыто симпатизировала мирным путем, ведущим к социализму.

Все же мертвецы скажут быстро, и так же быстро закончилась карьера демократической республики. Мирный путь демократических республик привел к кровавой власти террора фашистов всех окресток. Мирный путь расчищает дорогу самому кровавому господству и расчищает дорогу самой ужасной войне, которую когда-либо переживало человечество.

Не заметить этого невозможно: не заметить того, что против войны борется только одна единственная страна — Советский союз, тоже чрезвычайно трудно. В 1932 г. Карин Михаэлис вместе с Анри Барбюсом и М. А. Неске выступила на американском антивоенном конгрессе. После захвата власти Гитлером она выступила против террора германских фашистов. Но она еще не сделала вывода, не осознала того, что ее идеал также обладал сам себя и принял такие ужасные формы. В одной из ее последних книг («Зеленый остров») кое-где проскальзывает, что она уже вынуждена думать о том,

что Москва, быть может, избрала верный путь, а коммунизм — единственно возможный выход, исключающий войну, насилие и нищету человечества.

Карин Михаэлис открыто симпатизировала мирным путем, ведущим к социализму.

Все же мертвецы скажут быстро, и так же быстро закончилась карьера демократической республики. Мирный путь демократических республик привел к кровавой власти террора фашистов всех окресток. Мирный путь расчищает дорогу самому кровавому господству и расчищает дорогу самой ужасной войне, которую когда-либо переживало человечество.

что Москва, быть может, избрала верный путь, а коммунизм — единственно возможный выход, исключающий войну, насилие и нищету человечества.

СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ ПЕРЕД С'ЕЗДОМ

НА ВСЕСОЮЗНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ

В большом зале Оргкомитета ССН СССР третьего дня открылось Всесоюзное поэтическое совещание, на котором были заслушаны доклады т. т. Усевича и А. Тихонова.

Усевич изложил ряд образцов поэзии нашей поэзии, которые составляют основу ее доклада на предстоящем писательском съезде. В основных чертах соображения эти сводятся к следующему.

Советская поэзия, рассчитанная на миллионы трудящихся. Она участвует в борьбе за социализм.

Наша поэзия сложилась из народных кадров.

С одной стороны, в нее вошли захваченные революцией мелкобуржуазные поэты, которые «бросались» с небес поэзии в коммунизм». Среди этой группы наиболее яркой и стремительно приближающейся к пролетариату фигурой был Маяковский. С другой стороны, поэтические кадры составляли из тех, кто был непосредственно вынужден самой пролетарской революцией, как Безыменский, или был близок к большинству еще до революции, как Демьян Бедный.

В соприкосновении с пролетарскими поэтами мелкобуржуазные поэты приобретали новые качества своего творчества. Так Маяковский, столкнувшись с читателем, которого уже нечуждо было знакомство с жемчужной кофтой, начал значительно упрощать форму своего творчества, многому учась у Демьяна Бедного. Но и пролетарские поэты в свою очередь подверглись огромному творческому влиянию Маяковского. Таким образом происходило взаимное обогащение обоих творческих секторов.

Основной задачей, которую пролетариат поставил разрешить в своем творчестве советские поэты, было отражение нарождающегося нового социалистического человека. Такими попытками были «Нетте» у Маяковского, «Петр Смородинов» — у Безыменского, «Гренада» — Светлова, баллады Тихонова, Коган у Баррикадого.

Поиски правильного творческого метода в поэзии нового человека породили множество групп и направлений в советской поэзии. Но каждая такая группа абсолютно игнорировала свой творческий метод и старалась подвести теоретическую базу, — в большинстве случаев неправильно и недальновидно — под свое творчество.

Так возникла масса различных платформ, созданных в результате творческой сумятицы, с которыми пришлось в дальнейшем бороться. Однако развитие творческих группировок шло по линии большего приближения к революционным позициям, и не случайно в реконструктивный период стали изнутри распадаться старые литературные группировки.

В этой связи тов. Усевич подчеркивает незаконность сегодняшних попыток возродить на прежних теоретических основах старые группировки, а такая тенденция чувствуется. Так, выступления Быших и Лефевцев — Н. Асеева и С. Мирсанова т. Усевич характеризует как попытку вернуть творчество Маяковского подвести узкую теоретическую платформу и бить ею всех, кто ее не разделяет.

Между тем «теоретическая база», подведенная в сборнике «С Маяковским» статей Тренева и Хардинова, воардавалася нас к формалистско-лефковским установкам, от которых в свое время ушел Маяковский и которые нам незачем возрождать.

Тов. Усевич утверждает далее, что от этих лефковских догм и канон отходят в своем собственном творчестве и сами лефковцы. В частности, свидетельством этого является и поэма Асеева, папачатанная в этом же сборнике «С Маяковским».

Констатировав значительную консолидацию советского поэтического фронта в результате того, что поэты стали гораздо более советскими, чем они были раньше, т. Усевич задает вопрос: чем же обогатилась поэзия, приходя об ее состоянии нашей поэзии, приходя об ее состоянии? Тов. Усевич отвечает: «Она обогатилась новой тематикой. Основание новой тематике требует того, чтобы для поэта, полагаясь на реальный процесс своего отношения к революции, вопросы объективной действительности приобретали такое же глубокое значение, какое

имела для него раньше проблема отношения к революции.

При этом т. Усевич выдвигает мысль о том, что кровная заинтересованность холем революции и ее проблемами должна быть индивидуализирована в зависимости от личностных склонностей поэта: **поэт должен выбрать свою любимую тему**, беря действительность не в общем, а в особенном, в близких ему проблемах.

Это не значит, что он должен ограничиваться одной или двумя темами, но это значит, что он должен выбрать наиболее волнующую его, близкую ему тему, а не относиться безразлично ко всем темам социалистического строительства. Неумением или неспособностью найти такую свою любимую тему объясняется топтание на месте и даже затанцованное молчание некоторых наших поэтов.

Яркий пример — Сельвинский, для которого на прежнем этапе существовала проблема интеллигентки и революции, но когда проблема оказалась жерновом, Сельвинский в своем творчестве не смог показать даже отдельных сторон действительности, изображая абстрактный капитализм и не менее абстрактный социализм.

Сходные процессы можно усмотреть и в творчестве других поэтов. Так, некоторые пролетарские поэты — Шаров, Алтаузен, Молчанов, вступив в литературу совсем «зелеными» и не овладев ни необходимым теоретическим багажом, ни высоким художественным уровнем творчества, они невольно отказались от познавательных задач поэзии, стали лишь воспевать и иллюстрировать готовые тезисы партии и работы класса. Это сделало для них очень трудным решение сложнейших проблем поставленных новым этапом.

Неправильным пониманием тематической задачи, называющей героичностью в ее расширенном объяснении т. Усевича неудачу Безыменского в его поэме «Ночь начальника политотдела». Безыменский, считая долгом большевика немедленно откликнуться на любую политически актуальную тему, он не желает, чтобы тема эта поэтически созрела, он «схватывает» ее и пишет, отображая действительность не через образ, а через тезисы. В своем последнем произведении он не мыслит в образах, а иллюстрирует образы политическими тезисами.

На примерах творчества Прокофьева, Мирсанова, Корнилова и др. тов. Усевич показывает различные формы поисков темы, характерных сейчас для большинства советских поэтов. Одним из наиболее интересных явлений, характеризующих эти поиски, является восприятие общественной ситуации как личного, глубоко личностного переживания. Это явление можно наблюдать в последних вещах Демьянова, Луговского и особенно — Смелякова.

Зато, с другой стороны, мы наблюдаем зачастую и невероятное измельчение тем личностной поэзии: всякий незначительный бытовой факт в личной жизни поэта немедленно «подключает» писателя к «проблеме»: стихотворение: «Синие лебедя», перевод в новую квартиру или то, что в его комнате зажегся клочок...

Такое поэтическое обеднение, выходящее вследствие неясности тем, наблюдается в творчестве молодых поэтов

Абросимова, Арк. Сухарева и др.

Особо говорит т. Усевич о классово-враждебных тенденциях в советской поэзии. Здесь она отмечает переход от откровенно кулацкой поэзии к попыткам протиснуть враждебную на идеологию под маской народного примитивизма и формалистских вывертов (Заболоцкий).

С огромным интересом был заслушан доклад Н. Тихонова. Стенограмма этого доклада будет полностью напечатана в одном из ближайших номеров нашей газеты. И самым тон — прямой товарищеской критикой

На вечернем заседании 22 мая начался прения по докладу т. Усевича и Тихонова.

А. Сурков, высоко расценивая доклад т. Тихонова, по ряду вопросов возражает т. Усевичу, утверждая, в частности, что ощущение нужной темы есть у каждого поэта; другое дело, что не всегда он может с ней справиться и правильно ее разрешить.

В недостаточном внимании к газетной «экспромту» поэзии упрекает Усевич, как докладчика. А. Ефремов, подчеркивая, что газетная поэзия является исключительным завоеванием советской культуры. Тов. Ефремов объясняет отставание современной поэзии тем, что замена «обладала» неписанным инстинктом романтического стихотворения тов. Рыльского заявила, что 24 года работая в литературе, «последнее в бою с самим собой за новое мироощущение», он мечтает с таким же основанием называть рядовым бойцом советской поэзии, с каким он себя обвиняет в том, что был в прошлом вождем буржуазной неоклассической поэзии Украины.

Еврейский поэт т. Гофштейн заостряет вопрос о нашем познании национальной поэзии народов СССР: в лучшем случае известны имена поэтов братских республик, а не их творчество. Пусть всеобщее поэтическое совещание положит конец этому позорному невведению.

О значительных политических сдвигах, происшедших в последние годы в творчестве ряда украинских поэтов, рассказала соборная т. Новикова. Особенно ярка в смысле приближения к идейным позициям пролетариата творческая практика поэта Тихонова, который в последние месяцы символизма на Украине, а сейчас давшего такой сборник, как «Сайра влетает». В выступлениях А. Жарова было немало замечаний и много жалоб.

Критикуя свои творческие ошибки, т. Жаров признает, что его стихи часто грешили риторикой, образ заменялся в них «словесной декламацией». Вместе с тем он жалуется на неясность своего желания найти в нашей литературной критике помощь в творческой работе. Он утверждает, что критика замечает его творчество, игнорирует большую произведенную им работу, в то время как она должна была бы «стремиться глазами» взглянуть на его работу.

С большим интересом было встречено выступление Бор. Пастернака, который, полемизируя с Н. Н. Асеевым в связи с недавним его докладом, указал, что в общем хроническая форма иррационального символизма, когда он «покоится». «Если бы рифмы можно было подбирать не на словах, а на нефть или на прованское масло, то поэзия Лефевцев была бы совершенно бесспорно лучшей». Тов. Пастернак говорит и о том, что в искусстве в отличие от истории «наше время еще не названо», и о том, что все разговоры о поэтической интонации — «слабость сплошного вранья». Пастернак считает, что метрики, которые расставлял недавно советским поэтам Асеев в своем докладе, «отдают приторно-интеллигентным классом». Пастернак призывает поэтов беречь чувство товарищества.

Вчера продолжались прения по докладу. В прениях выступили т. Станде, Фейер (Украина), Горюхиной (Украина), Голодиной, Вера Инбер, Бриг, Гусев, Радими (Грузия), Ф. Левин, Е. Мустаганова (Литва), Семко (Украина), Я. Смеляков (Белоруссия), И. Уткин, Я. Смеляков, Н. Браун, В. Саянов, А. Богданов, С. Горюхиной, затем с заключительным словом выступили т. Н. Тихонов, Е. Усевич. Итоги совещания в большой речи подвел П. Юдин.

Отчет о заключительной части прения будет дан в следующем номере «Л. П.»

ПОДРАЖАНИЯ И ПЕРЕСКАЗЫ

Поэт Г. Санников опубликовал за последние полтора года два больших произведения, — это производственные поэмы на казахском материале «В гостях у египтян» (о хлопке) и «Сказание о научном».

Создание и освоение новых производств сказывается в нашей стране на новых общественных отношениях и на новом человеке. У нас, как известно, не только «люди делают тракторы», но и «тракторы делают людей». Поэтому наша производственная поэма — это поэты всегда героическая поэма.

Написать такую поэму может только тот поэт, отношения которого к действительности есть отношения кровные и работа которого над поэмой есть работа в полную художественную силу.

Удовлетворяет ли этим требованиями продукция Г. Санникова? Попробуем разобраться.

Сначала о поэме «В гостях у египтян». В отношении этого произведения год назад покойный А. Белый смеялся все карты и нарушил все предостережения. Он объявил его «достижением вершин классического искусства» и разрешил его пролетарскую поэзию на два периода: до написания этой поэмы и после.

Но когда А. Белый говорит, что «колхоз» и «сквер» — темы не менее «поэтические», чем «Лаура» и «Беатриче», то этот факт оказывается новым не столько в истории советской поэзии (мы это давно знали), сколько в биографии самого Белого. И это, конечно, плохо. Плохо другое: А. Белый, не имея в своем арсенале советской тематики, которая так кисторода, что даже символисты подымают на разговор, в пылу восторга не разбирались в конкретном Санникове. Он не разгадал, что Санников в первой своей производственной поэме делает как раз обратное: он живых и реальных туркменских уларич превращает в «Лауру» и «Беатриче».

Так, например, одну из своих главных героинь Угуль, первую главную героиню из узбекцев, описывая производством египетского хлопчатника, он подстилает под «черешенку» Пушкина и Лермонтова, а «вмешивает» как ед, так и окружающую её людей в строй чувств, присущих персонажам совсем иной эпохи. Советскому агроному в этой Угуль:

семантическая-то значимость стиха и сводится на-нет. В советском стихе семантические моменты силой вещей призваны «законодательствовать», но поэма Санникова являет как раз тот пример, когда они оторваны от живой языковой стихии и приглушены. В его стихах, если можно так выразиться, «исполнительная власть» (в силу «закона» или консерватизма) сводит на-нет действия «власти законодательной».

Если ставить жалые на мерзлой почве, оно неминуемо поглотит. Вот точно так в поэме о хлопке «сподрает» у Санникова актуальная тема.

Нельзя сказать, чтобы от неумеренных похвал А. Белого у Санникова закружилась голова, но он, безусловно, переоценил свои силы, когда несколько поспешно бросился писать новую большую эпическую вещь. Ибо что такое его «Сказание о научном» как литературный факт? Это газетная информация, полнота год назад покойный А. Белый смеялся все карты и нарушил все предостережения. Он объявил его «достижением вершин классического искусства» и разрешил его пролетарскую поэзию на два периода: до написания этой поэмы и после.

Но когда А. Белый говорит, что «колхоз» и «сквер» — темы не менее «поэтические», чем «Лаура» и «Беатриче», то этот факт оказывается новым не столько в истории советской поэзии (мы это давно знали), сколько в биографии самого Белого. И это, конечно, плохо. Плохо другое: А. Белый, не имея в своем арсенале советской тематики, которая так кисторода, что даже символисты подымают на разговор, в пылу восторга не разбирались в конкретном Санникове. Он не разгадал, что Санников в первой своей производственной поэме делает как раз обратное: он живых и реальных туркменских уларич превращает в «Лауру» и «Беатриче».

Так, например, одну из своих главных героинь Угуль, первую главную героиню из узбекцев, описывая производством египетского хлопчатника, он подстилает под «черешенку» Пушкина и Лермонтова, а «вмешивает» как ед, так и окружающую её людей в строй чувств, присущих персонажам совсем иной эпохи. Советскому агроному в этой Угуль:

так, достаточно взять статьи А. Крыловой «На родине тау-сагызка» в четырех номерах «Комсомолец правды» за 1931 г. и уже названную книгу Лефевра.

В неприятно приподнятых, но содерзательных очерках Крыловой «Революция, популяризм с двух сторон, делает вторичный анализ». И тогда «тау-сагыз» взрывается, как бомба, своими сорока процентами каучука. Она разорачивает стены лабораторий. Она потрясает мир... А у Г. Санникова это изображено так:

При испытании в Москве, В лабораториях Резиновцентра, На сухожолушый вес Мыясные корни даде До сорока процентов Чистого каучука. Это показал анализ. Небольшая мировая сенсация, Необычайное достижение...

У Ж. Лефевра: «В 1876 г. английский плантатор сер Гейри Уиком отправил в Бразилию под этикеткой «ботанические образцы» 70 000 семян геветы в сад Бью, находившийся около Лондона... Из этих 3000 семян, посаженных в лондонских оранжереях, 2000 прижились. 2000 растений были посланы на остров Сейлор...» («Эпохеи каучука», ГИЗ, 1928 г., стр. 61). А у Г. Санникова об этом же почти слово в слово:

Из Бразилии полсотня лет назад Семена геветы через мистера Викэма

Попали в королевский сад. Из 70 000, кажется, Выростил Геяри Викэм 2500 каучуковых саженцев. Для пересадки в тропики...

Таких примеров в поэме множество. И вот таким-то образом перерабатывая то одну, то другую статью или книгу, автор «пересаживает» в свои даже не роскошные «оранжереи» стихов «саженцы» чужих восточных и трудов. В монотонных и вялых стихах, совершенно лишенных воображения, из восмистияния в восмистияния, которые и читаешь, как будто бумагу жуешь, автор для чего-то делает повторную, уже сделанную другими работу. Облегчившись на классиках и подражая Сельвинскому (см. «Пуштор»), он титанею подменяет голый технологией реалистически-целостное восприятие действительности. Нечего и говорить, что такая работа является работой рудариатора, и количество тут не переходит в качество.

Поэма очень засучена плохо переработанной прозой, но если подчас автор и разрешится на лино спронт:

И ли, запевало, Не прыток на подем? В новой «Калеаде» Заливается сольемь.

то от этого вещь не делается живее. Позвоительно спросить, если подрифмование химических формул называется «калеадой», то какими «Калеадами» в учебнике химии хоть пруд пруди.

В начале поэмы Санников говорит о «поколениях», которые рождались в Казахстане «в процессе борьбы и труда». Но как раз ни «поколений», ни «борьбы», ни «труда» он и не показывает. Именно людей-то у него и нет: ни людей нового общества, ни людей нового качества.

Люди делают каучук. Каучук делает людей. Каучук способствует росту их индивидуальности, ибо каучук — кусок социализма, а где же хотя бы намека на этот рост в последних «длинноотрадных» произведениях Г. Санникова? Слов нет, изображение этого роста — общая громадная и ответственная поэтическая задача, по Санникову, поэт, очень последовательный в выборе своих тем, умеющий пробовать их на актуальность, по-своему трудолюбивый и по-хорошему упрямый, в обеих этих случаях отнесся к своим темам слишком легко.

П. НЕЗНАМОВ.

ЛЕНИНГРАДЦЫ — УЧАСТНИКИ ПОЭТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ. Слева направо: А. Прокофьев, В. Саянов, Н. Тихонов, Б. Корнилов, Н. Браун и А. Решетов.

ческого строительства. Неумением или неспособностью найти такую свою любимую тему объясняется топтание на месте и даже затанцованное молчание некоторых наших поэтов.

Яркий пример — Сельвинский, для которого на прежнем этапе существовала проблема интеллигентки и революции, но когда проблема оказалась жерновом, Сельвинский в своем творчестве не смог показать даже отдельных сторон действительности, изображая абстрактный капитализм и не менее абстрактный социализм.

Сходные процессы можно усмотреть и в творчестве других поэтов. Так, некоторые пролетарские поэты — Шаров, Алтаузен, Молчанов, вступив в литературу совсем «зелеными» и не овладев ни необходимым теоретическим багажом, ни высоким художественным уровнем творчества, они невольно отказались от познавательных задач поэзии, стали лишь воспевать и иллюстрировать готовые тезисы партии и работы класса. Это сделало для них очень трудным решение сложнейших проблем поставленных новым этапом.

Неправильным пониманием тематической задачи, называющей героичностью в ее расширенном объяснении т. Усевича неудачу Безыменского в его поэме «Ночь начальника политотдела». Безыменский, считая долгом большевика немедленно откликнуться на любую политически актуальную тему, он не желает, чтобы тема эта поэтически созрела, он «схватывает» ее и пишет, отображая действительность не через образ, а через тезисы. В своем последнем произведении он не мыслит в образах, а иллюстрирует образы политическими тезисами.

На примерах творчества Прокофьева, Мирсанова, Корнилова и др. тов. Усевич показывает различные формы поисков темы, характерных сейчас для большинства советских поэтов. Одним из наиболее интересных явлений, характеризующих эти поиски, является восприятие общественной ситуации как личного, глубоко личностного переживания. Это явление можно наблюдать в последних вещах Демьянова, Луговского и особенно — Смелякова.

Зато, с другой стороны, мы наблюдаем зачастую и невероятное измельчение тем личностной поэзии: всякий незначительный бытовой факт в личной жизни поэта немедленно «подключает» писателя к «проблеме»: стихотворение: «Синие лебедя», перевод в новую квартиру или то, что в его комнате зажегся клочок...

Такое поэтическое обеднение, выходящее вследствие неясности тем, наблюдается в творчестве молодых поэтов

Абросимова, Арк. Сухарева и др.

Особо говорит т. Усевич о классово-враждебных тенденциях в советской поэзии. Здесь она отмечает переход от откровенно кулацкой поэзии к попыткам протиснуть враждебную на идеологию под маской народного примитивизма и формалистских вывертов (Заболоцкий).

С огромным интересом был заслушан доклад Н. Тихонова. Стенограмма этого доклада будет полностью напечатана в одном из ближайших номеров нашей газеты. И самым тон — прямой товарищеской критикой

На вечернем заседании 22 мая начался прения по докладу т. Усевича и Тихонова.

А. Сурков, высоко расценивая доклад т. Тихонова, по ряду вопросов возражает т. Усевичу, утверждая, в частности, что ощущение нужной темы есть у каждого поэта; другое дело, что не всегда он может с ней справиться и правильно ее разрешить.

В недостаточном внимании к газетной «экспромту» поэзии упрекает Усевич, как докладчика. А. Ефремов, подчеркивая, что газетная поэзия является исключительным завоеванием советской культуры. Тов. Ефремов объясняет отставание современной поэзии тем, что замена «обладала» неписанным инстинктом романтического стихотворения тов. Рыльского заявила, что 24 года работая в литературе, «последнее в бою с самим собой за новое мироощущение», он мечтает с таким же основанием называть рядовым бойцом советской поэзии, с каким он себя обвиняет в том, что был в прошлом вождем буржуазной неоклассической поэзии Украины.

Еврейский поэт т. Гофштейн заостряет вопрос о нашем познании национальной поэзии народов СССР: в лучшем случае известны имена поэтов братских республик, а не их творчество. Пусть всеобщее поэтическое совещание положит конец этому позорному невведению.

О значительных политических сдвигах, происшедших в последние годы в творчестве ряда украинских поэтов, рассказала соборная т. Новикова. Особенно ярка в смысле приближения к идейным позициям пролетариата творческая практика поэта Тихонова, который в последние месяцы символизма на Украине, а сейчас давшего такой сборник, как «Сайра влетает». В выступлениях А. Жарова было немало замечаний и много жалоб.

Критикуя свои творческие ошибки, т. Жаров признает, что его стихи часто грешили риторикой, образ заменялся в них «словесной декламацией». Вместе с тем он жалуется на неясность своего желания найти в нашей литературной критике помощь в творческой работе. Он утверждает, что критика замечает его творчество, игнорирует большую произведенную им работу, в то время как она должна была бы «стремиться глазами» взглянуть на его работу.

С большим интересом было встречено выступление Бор. Пастернака, который, полемизируя с Н. Н. Асеевым в связи с недавним его докладом, указал, что в общем хроническая форма иррационального символизма, когда он «покоится». «Если бы рифмы можно было подбирать не на словах, а на нефть или на прованское масло, то поэзия Лефевцев была бы совершенно бесспорно лучшей». Тов. Пастернак говорит и о том, что в искусстве в отличие от истории «наше время еще не названо», и о том, что все разговоры о поэтической интонации — «слабость сплошного вранья». Пастернак считает, что метрики, которые расставлял недавно советским поэтам Асеев в своем докладе, «отдают приторно-интеллигентным классом». Пастернак призывает поэтов беречь чувство товарищества.

Вчера продолжались прения по докладу. В прениях выступили т. Станде, Фейер (Украина), Горюхиной (Украина), Голодиной, Вера Инбер, Бриг, Гусев, Радими (Грузия), Ф. Левин, Е. Мустаганова (Литва), Семко (Украина), Я. Смеляков (Белоруссия), И. Уткин, Я. Смеляков, Н. Браун, В. Саянов, А. Богданов, С. Горюхиной, затем с заключительным словом выступили т. Н. Тихонов, Е. Усевич. Итоги совещания в большой речи подвел П. Юдин.

Отчет о заключительной части прения будет дан в следующем номере «Л. П.»

семантическая-то значимость стиха и сводится на-нет. В советском стихе семантические моменты силой вещей призваны «законодательствовать», но поэма Санникова являет как раз тот пример, когда они оторваны от живой языковой стихии и приглушены. В его стихах, если можно так выразиться, «исполнительная власть» (в силу «закона» или консерватизма) сводит на-нет действия «власти законодательной».

Если ставить жалые на мерзлой почве, оно неминуемо поглотит. Вот точно так в поэме о хлопке «сподрает» у Санникова актуальная тема.

Нельзя сказать, чтобы от неумеренных похвал А. Белого у Санникова закружилась голова, но он, безусловно, переоценил свои силы, когда несколько поспешно бросился писать новую большую эпическую вещь. Ибо что такое его «Сказание о научном» как литературный факт? Это газетная информация, полнота год назад покойный А. Белый смеялся все карты и нарушил все предостережения. Он объявил его «достижением вершин классического искусства» и разрешил его пролетарскую поэзию на два периода: до написания этой поэмы и после.

Но когда А. Белый говорит, что «колхоз» и «сквер» — темы не менее «поэтические», чем «Лаура» и «Беатриче», то этот факт оказывается новым не столько в истории советской поэзии (мы это давно знали), сколько в биографии самого Белого. И это, конечно, плохо. Плохо другое: А. Белый, не имея в своем арсенале советской тематики, которая так кисторода, что даже символисты подымают на разговор, в пылу восторга не разбирались в конкретном Санникове. Он не разгадал, что Санников в первой своей производственной поэме делает как раз обратное: он живых и реальных туркменских уларич превращает в «Лауру» и «Беатриче».

Так, например, одну из своих главных героинь Угуль, первую главную героиню из узбекцев, описывая производством египетского хлопчатника, он подстилает под «черешенку» Пушкина и Лермонтова, а «вмешивает» как ед, так и окружающую её людей в строй чувств, присущих персонажам совсем иной эпохи. Советскому агроному в этой Угуль:

семантическая-то значимость стиха и сводится на-нет. В советском стихе семантические моменты силой вещей призваны «законодательствовать», но поэма Санникова являет как раз тот пример, когда они оторваны от живой языковой стихии и приглушены. В его стихах, если можно так выразиться, «исполнительная власть» (в силу «закона» или консерватизма) сводит на-нет действия «власти законодательной».

Если ставить жалые на мерзлой почве, оно неминуемо поглотит. Вот точно так в поэме о хлопке «сподрает» у Санникова актуальная тема.

Нельзя сказать, чтобы от неумеренных похвал А. Белого у Санникова закружилась голова, но он, безусловно, переоценил свои силы, когда несколько поспешно бросился писать новую большую эпическую вещь. Ибо что такое его «Сказание о научном» как литературный факт? Это газетная информация, полнота год назад покойный А. Белый смеялся все карты и нарушил все предостережения. Он объявил его «достижением вершин классического искусства» и разрешил его пролетарскую поэзию на два периода: до написания этой поэмы и после.

Но когда А. Белый говорит, что «колхоз» и «сквер» — темы не менее «поэтические», чем «Лаура» и «Беатриче», то этот факт оказывается новым не столько в истории советской поэзии (мы это давно знали), сколько в биографии самого Белого. И это, конечно, плохо. Плохо другое: А. Белый, не имея в своем арсенале советской тематики, которая так кисторода, что даже символисты подымают на разговор, в пылу восторга не разбирались в конкретном Санникове. Он не разгадал, что Санников в первой своей производственной поэме делает как раз обратное: он живых и реальных туркменских уларич превращает в «Лауру» и «Беатриче».

Так, например, одну из своих главных героинь Угуль, первую главную героиню из узбекцев, описывая производством египетского хлопчатника, он подстилает под «черешенку» Пушкина и Лермонтова, а «вмешивает» как ед, так и окружающую её людей в строй чувств, присущих персонажам совсем иной эпохи. Советскому агроному в этой Угуль:

так, достаточно взять статьи А. Крыловой «На родине тау-сагызка» в четырех номерах «Комсомолец правды» за 1931 г. и уже названную книгу Лефевра.

В неприятно приподнятых, но содерзательных очерках Крыловой «Революция, популяризм с двух сторон, делает вторичный анализ». И тогда «тау-сагыз» взрывается, как бомба, своими сорока процентами каучука. Она разорачивает стены лабораторий. Она потрясает мир... А у Г. Санникова это изображено так:

При испытании в Москве, В лабораториях Резиновцентра, На сухожолушый вес Мыясные корни даде До сорока процентов Чистого каучука. Это показал анализ. Небольшая мировая сенсация, Необычайное достижение...

У Ж. Лефевра: «В 1876 г. английский плантатор сер Гейри Уиком отправил в Бразилию под этикеткой «ботанические образцы» 70 000 семян геветы в сад Бью, находившийся около Лондона... Из этих 3000 семян, посаженных в лондонских оранжереях, 2000 прижились. 2000 растений были посланы на остров Сейлор...» («Эпохеи каучука», ГИЗ, 1928 г., стр. 61). А у Г. Санникова об этом же почти слово в слово:

Из Бразилии полсотня лет назад Семена геветы через мистера Викэма

Попали в королевский сад. Из 70 000, кажется, Выростил Геяри Викэм 2500 каучуковых саженцев. Для пересадки в тропики...

Таких примеров в поэме множество. И вот таким-то образом перерабатывая то одну, то другую статью или книгу, автор «пересаживает» в свои даже не роскошные «оранжереи» стихов «саженцы» чужих восточных и трудов. В монотонных и вялых стихах, совершенно лишенных воображения, из восмистияния в восмистияния, которые и читаешь, как будто бумагу жуешь, автор для чего-то делает повторную, уже сделанную другими работу. Облегчившись на классиках и подражая Сельвинскому (см. «Пуштор»), он титанею подменяет голый технологией реалистически-целостное восприятие действительности. Нечего и говорить, что такая работа является работой рудариатора, и количество тут не переходит в качество.

Поэма очень засучена плохо переработанной прозой, но если подчас автор и разрешится на лино спронт:

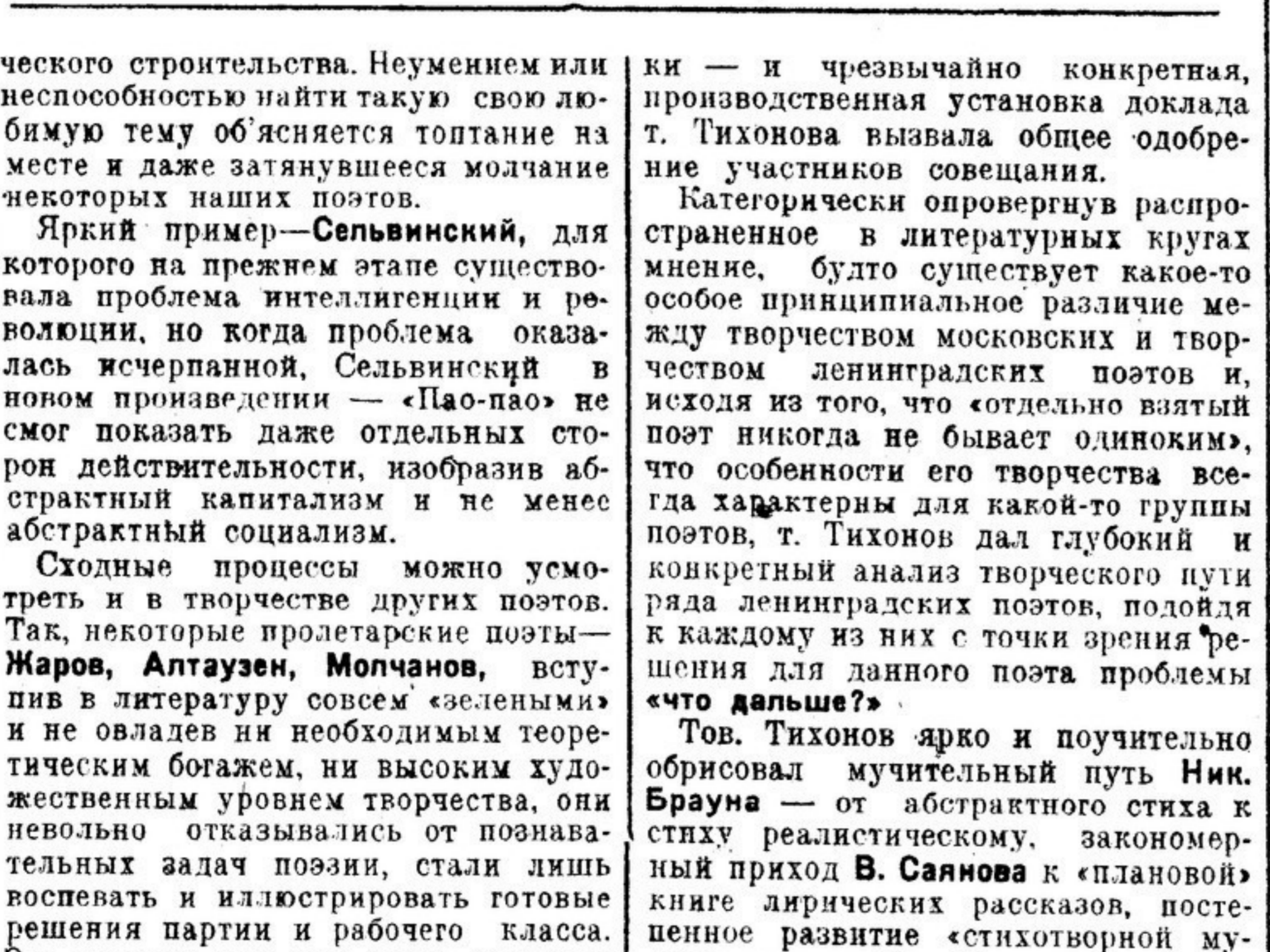
И ли, запевало, Не прыток на подем? В новой «Калеаде» Заливается сольемь.

то от этого вещь не делается живее. Позвоительно спросить, если подрифмование химических формул называется «калеадой», то какими «Калеадами» в учебнике химии хоть пруд пруди.

В начале поэмы Санников говорит о «поколениях», которые рождались в Казахстане «в процессе борьбы и труда». Но как раз ни «поколений», ни «борьбы», ни «труда» он и не показывает. Именно людей-то у него и нет: ни людей нового общества, ни людей нового качества.

Люди делают каучук. Каучук делает людей. Каучук способствует росту их индивидуальности, ибо каучук — кусок социализма, а где же хотя бы намека на этот рост в последних «длинноотрадных» произведениях Г. Санникова? Слов нет, изображение этого роста — общая громадная и ответственная поэтическая задача, по Санникову, поэт, очень последовательный в выборе своих тем, умеющий пробовать их на актуальность, по-своему трудолюбивый и по-хорошему упрямый, в обеих этих случаях отнесся к своим темам слишком легко.

П. НЕЗНАМОВ.

ЛЕНИНГРАДЦЫ — УЧАСТНИКИ ПОЭТИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ. Слева направо: А. Прокофьев, В. Саянов, Н. Тихонов, Б. Корнилов, Н. Браун и А. Решетов.

ческого строительства. Неумением или неспособностью найти такую свою любимую тему объясняется топтание на месте и даже затанцованное молчание некоторых наших поэтов.

Яркий пример — Сельвинский, для которого на прежнем этапе существовала проблема интеллигентки и революции, но когда проблема оказалась жерновом, Сельвинский в своем творчестве не смог показать даже отдельных сторон действительности, изображая абстрактный капитализм и не менее абстрактный социализм.

Сходные процессы можно усмотреть и в творчестве других поэтов. Так, некоторые пролетарские поэты — Шаров, Алтаузен, Молчанов, вступив в литературу совсем «зелеными» и не овладев ни необходимым теоретическим багажом, ни высоким художественным уровнем творчества, они невольно отказались от познавательных задач поэзии, стали лишь воспевать и иллюстрировать готовые тезисы партии и работы класса. Это сделало для них очень трудным решение сложнейших проблем поставленных новым этапом.

Неправильным пониманием тематической задачи, называющей героичностью в ее расширенном объяснении т. Усевича неудачу Безыменского в его поэме «Ночь начальника политотдела». Безыменский, считая долгом большевика немедленно откликнуться на любую политически актуальную тему, он не желает, чтобы тема эта поэтически созрела, он «схватывает» ее и пишет, отображая действительность не через образ, а через тезисы. В своем последнем произведении он не мыслит в образах, а иллюстрирует образы политическими тезисами.

На примерах творчества Прокофьева, Мирсанова, Корнилова и др. тов. Усевич показывает различные формы поисков темы, характерных сейчас для большинства советских поэтов. Одним из наиболее интересных явлений, характеризующих эти поиски, является восприятие общественной ситуации как личного, глубоко личностного переживания. Это явление можно наблюдать в последних вещах Демьянова, Луговского и особенно — Смелякова.

Зато, с другой стороны, мы наблюдаем зачастую и невероятное измельчение тем личностной поэзии: всякий незначительный бытовой факт в личной жизни поэта немедленно «подключает» писателя к «проблеме»: стихотворение: «Синие лебедя», перевод в новую квартиру или то, что в его комнате зажегся клочок...

Такое поэтическое обеднение, выходящее вследствие неясности тем, наблюдается в творчестве молодых поэтов

Абросимова, Арк. Сухарева и др.

Особо говорит т. Усевич о классово-враждебных тенденциях в советской поэзии. Здесь она отмечает переход от откровенно кулацкой поэзии к попыткам протиснуть враждебную на идеологию под маской народного примитивизма и формалистских вывертов (Заболоцкий).

С огромным интересом был заслушан доклад Н. Тихонова. Стенограмма этого доклада будет полностью напечатана в одном из ближайших номеров нашей газеты. И самым тон — прямой товарищеской критикой

На вечернем заседании 22 мая начался прения по докладу т. Усевича и Тихонова.

А. Сурков, высоко расценивая доклад т. Тихонова, по ряду вопросов возражает т. Усевичу, утверждая, в частности, что ощущение нужной темы есть у каждого поэта; другое дело, что не всегда он может с ней справиться и правильно ее разрешить.

В недостаточном внимании к газетной «экспромту» поэзии упрекает Усевич, как докладчика. А. Ефремов, подчеркивая, что газетная поэзия является исключительным завоеванием советской культуры. Тов. Ефремов объясняет отставание современной поэзии тем, что замена «обладала» неписанным инстинктом романтического стихотворения тов. Рыльского заявила, что 24 года работая в литературе, «последнее в бою с самим собой за новое мироощущение», он мечтает с таким же основанием называть рядовым бойцом советской поэзии, с каким он себя обвиняет в том, что был в прошлом вождем буржуазной неоклассической поэзии Украины.

Еврейский поэт т. Гофштейн заостряет вопрос о нашем познании национальной поэзии народов СССР: в лучшем случае известны имена поэтов братских республик, а не их творчество. Пусть всеобщее поэтическое совещание положит конец этому позорному невведению.

О значительных политических сдвигах, происшедших в последние годы в творчестве ряда украинских поэтов, рассказала соборная т. Новикова. Особенно ярка в смысле приближения к идейным позициям пролетариата творческая практика поэта Тихонова, который в последние месяцы символизма на Украине, а сейчас давшего такой сборник, как «Сайра влетает». В выступлениях А. Жарова было немало замечаний и много жалоб.

Критикуя свои творческие ошибки, т. Жаров признает, что его стихи часто грешили риторикой, образ заменялся в них «словесной декламацией». Вместе с тем он жалуется на неясность своего желания найти в нашей литературной критике помощь в творческой работе. Он утверждает, что критика замечает его творчество, игнорирует большую произведенную им работу, в то время как она должна была бы «стремиться глазами» взглянуть на его работу.

С большим интересом было встречено выступление Бор. Пастернака, который, полемизируя с Н. Н. Асеевым в связи с недавним его докладом, указал, что в общем хроническая форма иррационального символизма, когда он «покоится». «Если бы рифмы можно было подбирать не на словах, а на нефть или на прованское масло, то поэзия Лефевцев была бы совершенно бесспорно лучшей». Тов. Пастернак говорит и о том, что в искусстве в отличие от истории «наше время еще не названо», и о том, что все разговоры о поэтической интонации — «слабость сплошного вранья». Пастернак считает, что метрики, которые расставлял недавно советским поэтам Асеев в своем докладе, «отдают приторно-интеллигентным классом». Пастернак призывает поэтов беречь чувство товарищества.

Вчера продолжались прения по докладу. В прениях выступили т. Станде, Фейер (Украина), Горюхиной (Украина), Голодиной, Вера Инбер, Бриг, Гусев, Радими (Грузия), Ф. Левин, Е. Мустаганова (Литва), Семко (Украина), Я. Смеляков (Белоруссия), И. Уткин, Я. Смеляков, Н. Браун, В. Саянов, А. Богданов, С. Горюхиной, затем с заключительным словом выступили т. Н. Тихонов, Е. Усевич. Итоги совещания в большой речи подвел П. Юдин.

Отчет о заключительной части прения будет дан в следующем номере «Л. П.»

семантическая-то значимость стиха и сводится на-нет. В советском стихе семантические моменты силой вещей призваны «законодательствовать», но поэма Санникова являет как раз тот пример, когда они оторваны от живой языковой стихии и приглушены. В его стихах, если можно так выразиться, «исполнительная власть» (в силу «закона» или консерватизма) сводит на-нет действия «власти законодательной».

Если ставить жалые на мерзлой почве, оно неминуемо поглотит. Вот точно так в поэме о хлопке «сподрает» у Санникова актуальная тема.

Нельзя сказать, чтобы от неумеренных похвал А. Белого у Санникова закружилась голова, но он, безусловно, переоценил свои силы, когда несколько поспешно бросился писать новую большую эпическую вещь. Ибо что такое его «Сказание о научном» как литературный факт? Это газетная информация, полнота год назад покойный А. Белый смеялся все карты и нарушил все предостережения. Он объявил его «достижением вершин классического искусства» и разрешил его пролетарскую поэзию на два периода: до написания этой поэмы и после.

Но когда А. Белый говорит, что «колхоз» и «сквер» — темы не менее «поэтические», чем «Лаура» и «Беатриче», то этот факт оказывается новым не столько в истории советской поэзии (мы это давно знали), сколько в биографии самого Белого. И это, конечно, плохо. Плохо другое: А. Белый, не имея в своем арсенале советской тематики, которая так кисторода, что даже символисты подымают на разговор, в пылу восторга не разбирались в конкретном Санникове. Он не разгадал, что Санников в первой своей производственной поэме делает как раз обратное: он живых и реальных туркменских уларич превращает в «Лауру» и «Беатриче».

Так, например, одну из своих главных героинь Угуль, первую главную героиню из узбекцев, описывая производством египетского хлопчатника, он подстилает под «черешенку» Пушкина и Лермонтова, а «вмешивает» как ед, так и окружающую её людей в строй чувств, присущих персонажам совсем иной эпохи. Советскому агроному в этой

МЕСЯЦ В ТАДЖИКИСТАНЕ

ЭДУАРДУ БАГРИЦКОМУ

Охотник, поэт, рыбовод... А дым растеклся по крышам, И гильные гусиных болот...

Один огорчился прощаньем И шепот нежными слезами... Другой улыбнулся: — Коль так...

Охотник, поэт, рыбовод... А дым растеклся по крышам, И гильные гусиных болот...

Охотник, поэт, рыбовод... А дым растеклся по крышам, И гильные гусиных болот...

Охотник, поэт, рыбовод... А дым растеклся по крышам, И гильные гусиных болот...

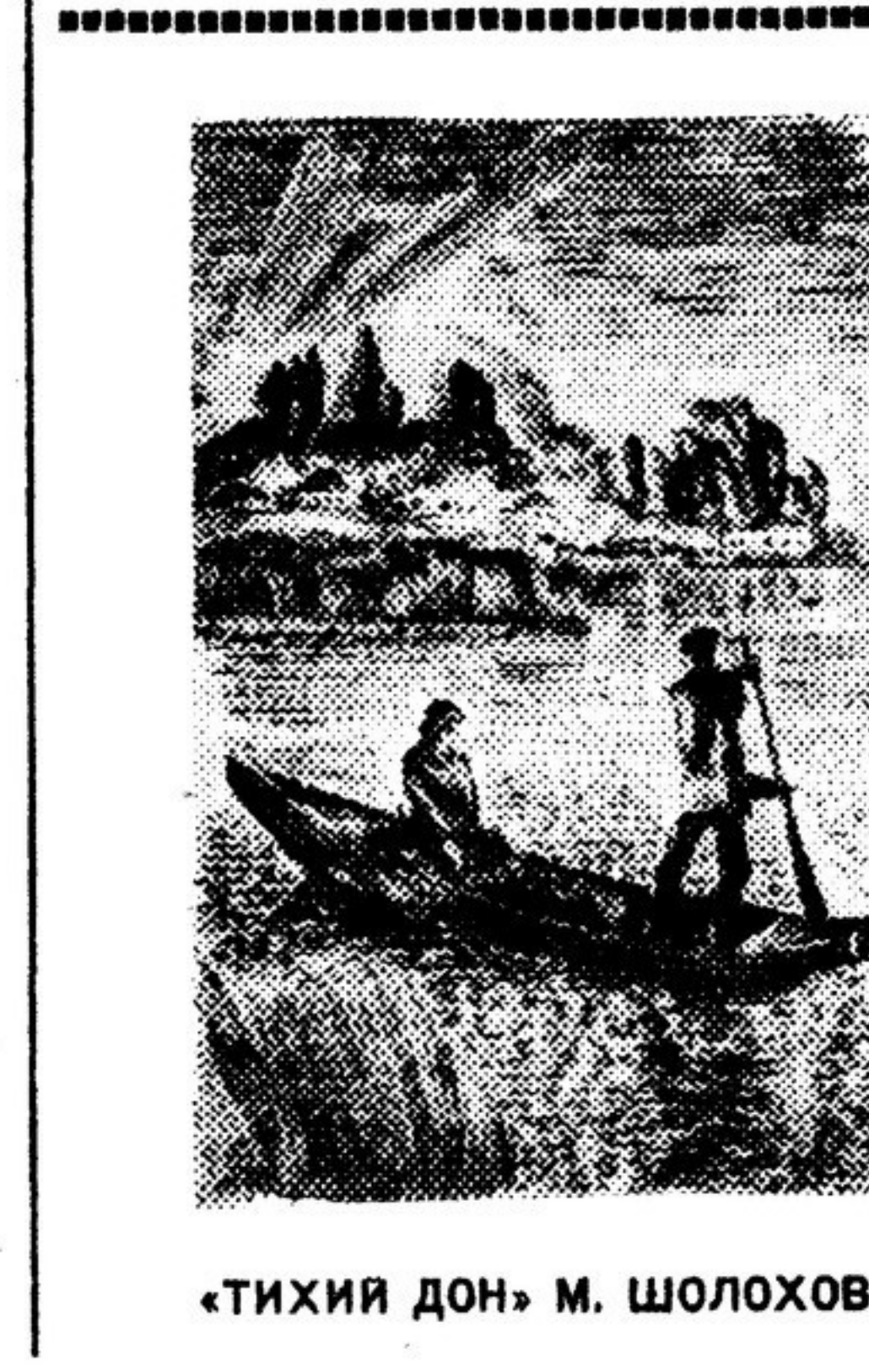
Около месяца провела в Таджикистане бригада Оргкомитета ССР СССР в составе гг. Лахути, Б. Ясенского, В. Шлохова, Б. Лапина, З. Хахре...

Одним из главных недостатков Таджикистана оргкомитета является слабая связь с литературными кадрами, находящимися в Сталинабаде.

ТАТАРИЯ ПЕРЕД СЪЕЗДОМ ПИСАТЕЛЕЙ

Достижения Татарии в области создания культуры национальной по форме и социалистической по содержанию, бесспорно, значительны.

Бригада всесоюзного Оргкомитета уделяла большое внимание выявлению молодых писательских кадров. Большая часть ее работы была построена в плане учебы и поднятия квалификации молодых писателей.

«ТИХИЙ ДОН» М. ШОЛОХОВА выходит к съезду писателей в ГИХЛ.

бота и т. д. Бригада приняла активное участие в создании и работе таджикской «Литературной газеты».

Основным недостатком журнала (ставки на самолет) страдает и Таджикское государственное издательство, работающее без четкого издательского плана и почти не выпускающее классической литературы.

Бригада Оргкомитета ССР удалось также добиться некоторого улучшения бытового положения писателей.

За время своего пребывания в Таджикистане бригада Оргкомитета провела значительную работу по отбору литературного материала, который теперь должен быть напечатан в ряде центральных газет и журналов.

ТАТАРИЯ ПЕРЕД СЪЕЗДОМ ПИСАТЕЛЕЙ

журнал выходит с опозданием в 2-3 месяца, книги издаются на плохой бумаге, в плохом оформлении, газеты почти не уделяют внимания литературе.

Большую заботу и внимание оказывают татарской литературе руководители партийных и правительственных организаций.

Бригада всесоюзного Оргкомитета активно включилась в работу Татарского оргкомитета. Вместе с татарскими писателями проведен ряд мероприятий по развешиванию плакатов к съезду.

Татарским писателям есть о чем рапортовать всесоюзному съезду. Вопросы татарской литературы по праву включены в повестку дня съезда.

Мы помещаем здесь пять гравюр.

ПЕРВЫЕ и КРЫЛЬЯ

Но все-таки где-то еще скребут перьями, и чувствуется, что это не к добру. (Салтыков-Щедрин).

Вряд ли кто-нибудь осмелится утверждать, что авиация является наиболее благодарной темой для литературного творчества. Авиация — это романтика нашей эпохи, и в нашей замечательной стране в особенности авиационные темы, казалось бы, должны были бы служить источником необычайно сильного вдохновения для литературы.

Между тем короткий роман советских писателей с советской авиацией пока что не принес еще никаких ощутительных плодов. Обычно призывы литературной нежности к авиации протекают следующим образом. Неизвестно кем распространяется слух, что такой-то самолет летит, скажем, в Париж. Тотчас же в пришедшем соответствующего товарища, ведающего полетом на этот заманчивый перелет, создается форменная свалка.

Свалка носит необычайно кровавый характер. Писатели «подскакивают» друг друга, иногда шипят друг на друга доносы, чаще всего ведут оживленные дискуссии о культуре, о приспособленчестве, о плагиате. Драки в буквальном смысле этого слова, впрочем, пока зарегистрированы еще не были.

На утро на аэродроме жизнь идет как обычно. Летают ученики, старшая сестра «на три точки», механики доят радиаторы, румяные иностранцы с чемоданами, заклеенными бланками заграничных таможен, совершают таинство посадки в самолет «Дерулюфта».

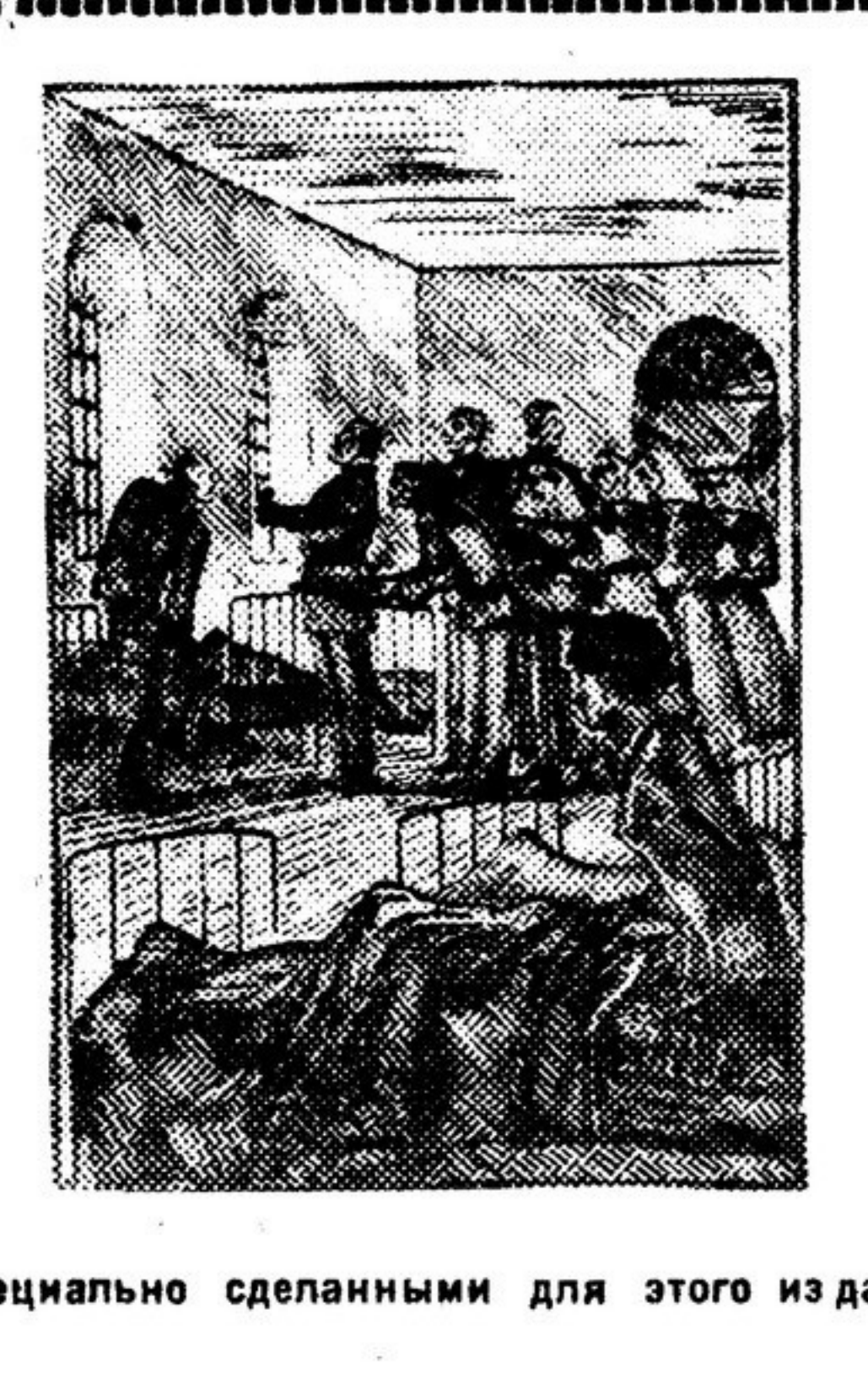

Мы помещаем здесь пять гравюр.

Несколько писателей носят в данное время авиационную форму, правой или неправой добытую. Нетого греха таить. Большинство из носителей сейчас авиационную форму писателей делало в своей жизни только с литературных pedestалов, другие — делало просто с лестниц.

В недалеком будущем на взрытую туннелями Метрострой Москва будет падать тень гигантских крыльев самолета «Максим Горький». Это очень интересный самолет. Он выстроен массами, которые вбуздоражили общественный комитет под руководством журналиста М. Кольцова.

И вот тут-то и получалась замечательная вещь. Когда организовали эскадрилью, писатели тоже были себестоимостью в грядущем в преданных чувствах к крыльям Советов. Были торжественные заседания, товарише-

Мы помещаем здесь пять гравюр.

вещное содействие. Отдельные важные директора, получив циркуляр, даже создали для писателей спешные бытовые условия: были отведены отдельные комнаты, наполовину были поставлены фукини в в познаношемся отесе ливана было заготовлена водка с закуской. Ибо это все, что директора авиационных заводов знали об особенностях писательского быта.

Здесь нужно сделать оговорку. Не желая называть фамилии, мы все же вынуждены назвать С. Третьякова, к которому все предыдущие комплименты не относятся. С. Третьяков действительно по-честному интересуется авиацией и много о ней писал.

Между тем эта вещь непорочная. Советская авиация стала одной из сильнейших авиаций в мире. Бывший министр французской авиации Пьер Кот в беседе с журналистами заявил, что он впервые в Москве увидел, как тяжелые бомбовозы снимаются с конвейера.

Ибо есть определенный этап в росте и развитии советской авиации, который неповторим. Неповторимы «летающие гробы», неповторимы плохие обучающие летчики, сбивавшие вражеские истребители, неповторимы конструкторы, которые создавали авиационный шедевр в нетопленных темных комнатах.

Сегодня на советский самолет трудно посмотреть. Он имеет почти всегда блестящую скорострельность, блестящую грузоподъемность, блестящую внешнюю отделку. Он ничем не уступает западной авиации, а в целом ряде деталей и превосходит ее.

Мы помещаем здесь пять гравюр.

ские чай и банкетты. И опять, как в дни слухов о заграничных перелетах, в каких-то приемных была свалка, и маститые, распахав мезозойку локтями, прорывались к зернистой икре и пловбиру.

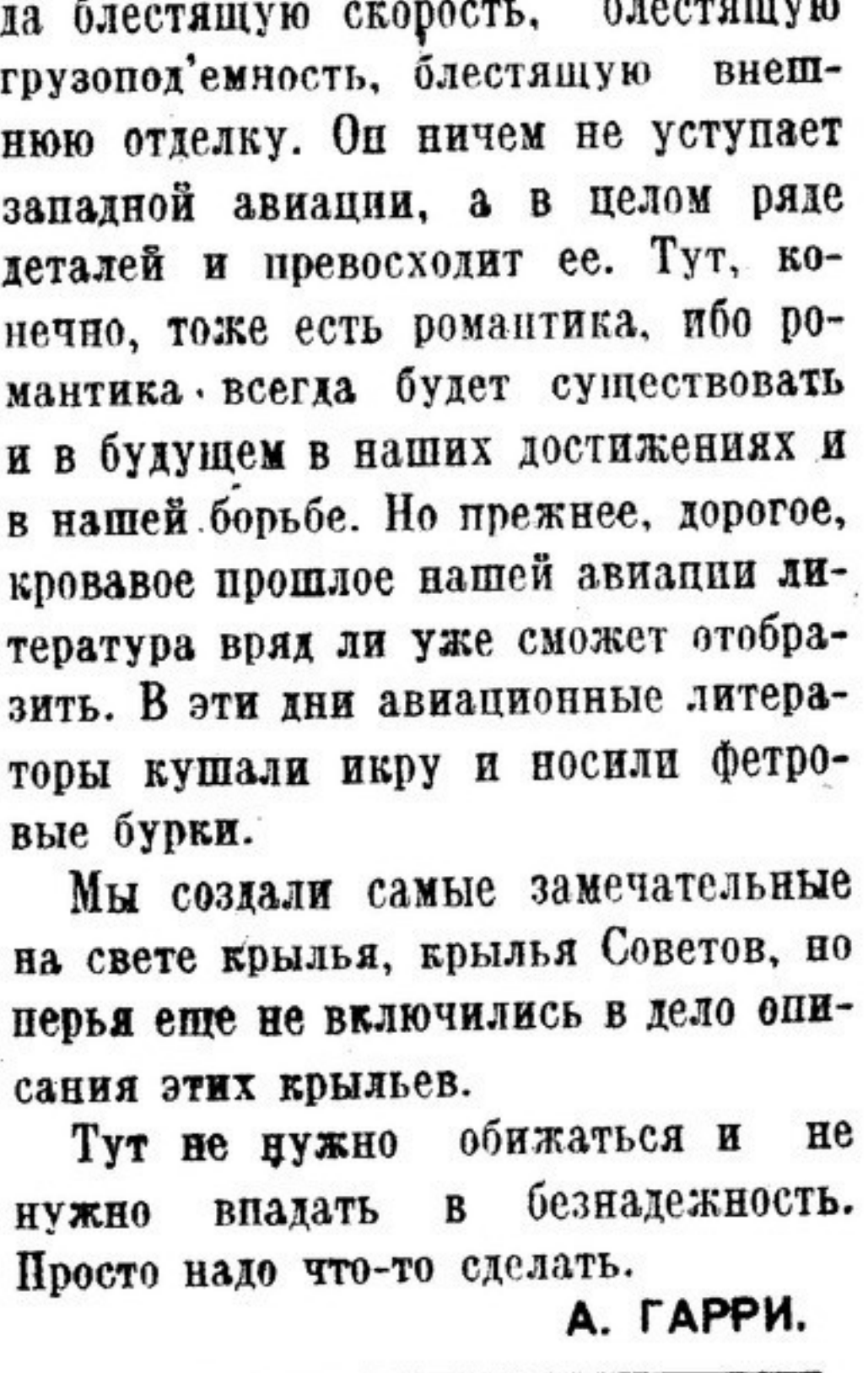
Однако писательского темперамента хватало только за закуски. Если посмотреть литературу, выпущенную всесоюзным комитетом по постройке эскадрильи им. Максима Горького, то из писательских фамилий можно обнаружить там только М. Кольцова, С. Третьякова и Е. Зозулю. Остальные из авиационных писателей, по-видимому, слишком заняты зашпылкой теплого авиационного обмундирования нафталином для того, чтобы заниматься авиацией. Нет их, писателей, в деле пропаганды эскадрильи, а икру между тем кушали.

Есть писатели, много лет пишущие об авиации. Их печатают специальные издательства, писатели эти очень добросовестно пишут о заводах, о замечательных перелетах, о самолетах. Горе этих писателей заключается в том, что они — плохие писатели, и пишут что и о добросовестно, по плохи. И в союз их не примут. И икры они не кушают.

Между тем эта вещь непорочная. Советская авиация стала одной из сильнейших авиаций в мире. Бывший министр французской авиации Пьер Кот в беседе с журналистами заявил, что он впервые в Москве увидел, как тяжелые бомбовозы снимаются с конвейера.

Ибо есть определенный этап в росте и развитии советской авиации, который неповторим. Неповторимы «летающие гробы», неповторимы плохие обучающие летчики, сбивавшие вражеские истребители, неповторимы конструкторы, которые создавали авиационный шедевр в нетопленных темных комнатах.

Сегодня на советский самолет трудно посмотреть. Он имеет почти всегда блестящую скорострельность, блестящую грузоподъемность, блестящую внешнюю отделку. Он ничем не уступает западной авиации, а в целом ряде деталей и превосходит ее.

Мы помещаем здесь пять гравюр.

пребрежение к анализу идейной фактуры произведения, какой был свойствен Зелинскому и тогда, когда он утверждал, что «идеи, как вода, заводятся от бедности».

3. Критический метод или «игра в мыслы»?

В течение долгого промежутка времени Зелинский занимался прозаиком. И вот совсем недавно он возвратился в область поэзии, как в жесткость, окутанную туманом. «Что есть поэзия? Непостижимый туман? Белая пелена на географической карте?» — эти стро-

ками Сельвинского открывает Зелинский свою последнюю статью. Вы думаете, он поспешит рассеять или по крайней мере прояснить этот туман? Напротив. Он напускает еще больше тумана. Мы уже знаем, что Зелинский лет пять назад с серьезным видом, без всякой иронии писал: «Когда говоришь о поэзии, хочешь плясать вокруг и прыгать через костер».

«Поэзия — это новое, особое отношение к жизни», — декларирует Зелинский и создает теорию «поэтического опосредствования», основательно раскрытую на страницах «Литературного критика».

«Поэзия, являющаяся музыкальным упражнением (а иногда и игрой в мыслы), затрагивает самый жизненный орган нашего бытия». Эта несуетная характеристика, какую дает Зелинский поэзии, окончательно смазывает ее идею и ее социальную-организующую функцию.

Разумеется, мы никак не собираемся вульгарно оценивать критику с точки зрения того, ругает он или хвалит. Дело не в ругани и не в похвале. Подлинный критик не столько «ругает» или «хвалит», сколько борется, воспитывает, организует. Он борется с писателем, представляющим враждебный класс, он борется за писателя, против его писательских ошибок, и эта борьба

внутри своей классовой литературы носит конечно характер воспитательно-но-боевой работы. В том или ином случае критик живет в атмосфере борьбы. Без подлинного боевого темперамента мы не представляем себе критика, тем более критика эпохи построения социалистического общества.

Мы готовы допустить, что Зелинский специализировался на критических похвалах. Но это именно комплименты, которые часто для писателя звучат хуже, чем иная ругань. Что, кроме вреда, принесла Луговскому «грабительные бабочки» и «аскеты солнечного спектра», все эти пышные, лестные эпитеты, какими критик пытался украсить pedestal молодого поэта. Если Луговский выжил, рос, развивался, то это делал несмотря на Зелинского и вопреки его похвалам.

рофанов изля из книги. Очевидно, оказалось возможным «сбросить со счетов» Митрофанова, что Корней Зелинский и поспешил сделать.

«Нас не любят писатели. — Мы критику, часто отстает от литературы», — указывает он. Чуть дело доходит до сакрности, как Зелинский немедленно апеллирует к «круговой поруке» советских критиков.

«Писатели не любят критиков» — рассуждает Зелинский. Это слишком общее сказано, а потому неверно. Как часто у писателей не любовь к конкретному критику сочетается с огромной жаждой критической помощи. Писатель часто тоскует по критику, который бы доподлинно оказался и представителем миллионов масс в стане литературы и настоящим другом самой литературы, понимающим ее изнутри. Сколько советских писателей мечтает о подлинном критике — друге, суровом и великодушном. Как часто их недовольство к тому или иному конкретному критику порождает тем, что именно данный критик делает все, чтобы дискредитировать ту великую роль, какая на него, критика, возложена партией и страной.

Нет, не приличивым отношением к Зелинскому, а настоящим желанием развернуть на конкретном примере принципиальную борьбу за новый тип литературного критика — бойца, воспитателя, а не комплиментщика — проинкрустана лапы суровой оцены музыкальных упражнений автора «Критических писем»

«Критических писем» — это строки, которые сразу осязают облик пишущего. «Игра в мыслы» многое объясняет нам в Корней Зелинском! Мы сразу пой-

«Критических писем» — это строки, которые сразу осязают облик пишущего. «Игра в мыслы» многое объясняет нам в Корней Зелинском! Мы сразу пой-

Первый паром, который пойдет после открытия навигации на Шпицберген, отвозит среди прочих грузов несколько пачек с новыми книгами для рабочих самых северных в мире угольных рудников.

лектор ведет большую консультационную работу. Ежедневно сюда приходят 50-60 библиотекарей за справками и советами. В последние дни задаются все чаще и чаще вопросы: какую выставку организовать к с/езду, какие книги пропагандировать, как созвать читательскую конференцию?

РОСТ

Это было в 1932 г. Собирались в узенькой комнате редакции заводской газеты, единственном помещении, приютившем литературный кружок. Спорили о пролетарской литературе, о полупиках, о РАПИ и литфронте.

В комнату робко входили новые кружковцы, застенчиво присаживались в уголку и, прислушавшись, потихоньку исчисляли. Больше их на ванатии кружка никогда не видели.

...Но вот восстановление ЦК от 23 апреля о перестройке литературно-художественных организаций. Началась новая история литкружка завода «Электросила».

Теоретическая учеба в кружке проходила таким образом. Рубежом, а иногда и кружковцы делали доклады на определенные темы. Кроме того прорабатывались высказывания Ленина о художественной литературе, о пролетарской литературе, о социалистическом реализме.

Руковод А. С. Эйштейн старался ввести чтение кружковцев в систему. Опыт удался. Кружковцы стали наиболее активными читателями и завсегдатями библиотеки.

Весной 1933 г. кружок начал издавать свою еженедельную литературную газету. Через нее популяризовались творческие материалы кружковцев и укреплялась связь с читательскими и литературными активами завода.

Кружковцы растут, работая над заводской тематикой. Поэт Т. Рудков пишет стихи на актуальные производственные темы. Комсомолец тов. Крючков пришел на завод из деревни, работал чернорабочим. Упорно занимаясь и постоянно консультируясь у руководителя, он настолько поднял свой идейно-политический уровень (в не только литературном), что был выдвинут на работу в качестве секретаря ячейки ВЛКСМ.

Кружковцы выступают в пеклах, читают свои произведения по радио и на заводских конференциях. Отсутствует кружка заслужила партокм, и после этого на занятия впервые заглянул культпрод. Это было несомненно, теперь культурой у нас бывает чаще.

Когнались общегородской конкурсы. Кружок «Электросила» за количественный и за качественный рост, за развертывание массовой работы, за связь с производством присудили первую премию. Обладая на занятие заводской кружки пришел редактор заводской газеты П. Иванов и предложил совместно выпустить заводскую литературную газету.

Такой газетой еще не существовало — недаром об этом факте писал ЦО «Правда». Кружковцы откликнулись горячо, и первый номер газеты появился к 16-й годовщине Октября.

Газета приобрела популярность. Читательской конференции, обсуждавшей произведения А. Соболева, А. Лебедева и Ю. Германа, кружок посетил специальный номер литературы.

Если проследить путь роста нашей творческой продукции, то можно заметить, что тематически мы все ближе и глубже продвигаемся к жизни «Электросилы». Показателем творческого роста кружковцев может быть то, что за последний месяц три рассказа Т. Гуревича напечатаны в журнале «Литературный фронт».

Недавно электросиловцы заключили солидарное с литкружком «Красного штифлера» — сроком до 17-й годовщины Октября. Совместно с красноштифлерами предлагаем выпустить итоговый альманах, а также и отдельный электросиловский, посвященный с/езду писателей.

Э. М. ГУРЕВИЧ

КНУТ ГАМСУН

А ЖИЗНЬ ИДЕТ...

Роман «А жизнь идет» — 3-я книга трилогии Кнута Гамсуна, начавшейся романами «Бродяга» и «Август». В этой книге описывается судьба Августа, погибшего при падении в пропасть.

— Да, потому что я ничтожество. И ведь моя наружность вас не обманывает? — О, нет! По-моему, мой муж красивый.

— Я бы поцеловал вас осторожно, как будто это запрещено. — Это так и есть. Я ведь замужняя женщина.

— Да, потому что я ничтожество. И ведь моя наружность вас не обманывает? — О, нет! По-моему, мой муж красивый.

Фис. А. Тышлера

ко отступая, и ловко занимает позицию у окна, где и стоит в полной безопасности в ярком свете уличных фонарей.

— Ну и что я унесу вас поцеловать заодно по тому. — Нет, — говорит фру, она несогласна.

— Да, потому что я ничтожество. И ведь моя наружность вас не обманывает? — О, нет! По-моему, мой муж красивый.

— Да, потому что я ничтожество. И ведь моя наружность вас не обманывает? — О, нет! По-моему, мой муж красивый.

— Да, потому что я ничтожество. И ведь моя наружность вас не обманывает? — О, нет! По-моему, мой муж красивый.

— Да, потому что я ничтожество. И ведь моя наружность вас не обманывает? — О, нет! По-моему, мой муж красивый.

— Да, потому что я ничтожество. И ведь моя наружность вас не обманывает? — О, нет! По-моему, мой муж красивый.

— Да, потому что я ничтожество. И ведь моя наружность вас не обманывает? — О, нет! По-моему, мой муж красивый.

— Да, потому что я ничтожество. И ведь моя наружность вас не обманывает? — О, нет! По-моему, мой муж красивый.

— Да, потому что я ничтожество. И ведь моя наружность вас не обманывает? — О, нет! По-моему, мой муж красивый.

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Но аптекарь Хольм заинтересовался теперь чем-то другим и не отвечает. Он заметил маленького мальчишку и маленькую девочку, которые стоят поодаль от городских детей и держат друг друга за руки.

— Господи с вами, ступайте! — отвечает она. Она чрезвычайно хорошо умеет скрывать свое удивление перед его выходками.

— Благодарю вас за сегодняшний день, фру. Сердце мое рвется на части.

— Как зовут твоего отца? — спрашивает он мальчишка. Это глупый вопрос, и мальчик удивленно глядит на него.

— Ты, верно, не знаешь, как зовут твоего отца? — Отец умер, — говорит мальчик.

— Он утонул в Сегельфосском водонаде? — Да, — отвечают оба ребенка.

— Пойдемте, я покормлю вас! — говорит Хольм.

— Кто знает, найдется ли у него что-нибудь дома годное для таких малышей, их нужно накормить как следует и дать также с собой что-нибудь в уезды.

И тут Хольм, что называется, попал в пропал. Последнее, что Хольм в тот день сказал детям, было: «Приходите завтра опять». Потому что они протянули ему свои кропотливые жалкие ручки и поблагодарили за еду, они были наощупь словно птички, ланки, и против них невозможно было устоять.

И вот Хольм, что называется, попал в пропал. Последнее, что Хольм в тот день сказал детям, было: «Приходите завтра опять».

И вот Хольм, что называется, попал в пропал. Последнее, что Хольм в тот день сказал детям, было: «Приходите завтра опять».

СЕЗДОВСКИЙ НОМЕР «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

Слав в производство шестой (июньский) номер журнала, полностью посвященный всесоюзному с/езду писателей. Все отделы журнала построены по принципу показа творчества молодежи и молодежи в творчестве.

Передовая на тему «С чем пришла художественная литература к с/езду писателей» написана о произведениях молодых писателей и о произведениях о молодежи. В этом номере значительное место занимает творчество Н. Чертовой «Огнеупор» и роман о Чехов-Славянски «Са кра» П. Гольдбергера.

В «Новинках современной литературы» передаются заглавные отрывки из романа К. Федина «Похищение Евровы», повести Колдунова «РБ» и повести Кочина «Нария».

Сегодня у микрофона выступает МХАТ П. Цвет монтаж спектакля «Часовщик и курица» И. Кочери.

ИЗВЕЩЕНИЯ 24 мая, в 18 ч., в Оргкомитете ССР ССРР (ул. Оверского, 52, к. 14) состоится очередное заседание объединения молодых армянских писателей при клубе молодых писателей.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ

Ввиду увеличения периодичности выхода газеты (вместо 1 раза в 6 дней — 1 раз в 2 дня) сроки уже принятой подписки по старой подписной цене (12 руб. в год) были соответственно сокращены и подписавшиеся с 1/1 1934 г. на 12 мес. газету получают в течение 5 мес. т. е. выписка кончается 1 июня.

К О Н К У Р С РАДИОКОМИТЕТА Весомый комитет по радиодиффузии и радиопропаганде при Советархе ССРР объявил конкурс на лучшее либретто оперы, музыкальной комедии, театральную симфонию или поэмы.

К О Р И Ч Н Е В А Я К Н И Г А В Т О Р О Й Т О М СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР «ЗА РУБЕЖОМ» ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ КИОСКАХ СЮЗПЕЧАТИ

КНИЖНАЯ ВСТРЕЧА

«Вопросы социалистической драматургии Ю. Юзевского о всеобщем с/езде писателей публикует издательство «Советская литература».

«Избранные рассказы» Роберта для детей старшего возраста вышла в ДетГИЗ.

ДЕТГИЗ — С/ЕЗДУ

ДетГИЗ выпустит к с/езду писателей семь новых книг для детей среднего и старшего возраста.

«Басни Крылова» в иллюстрированном издании для детей младшего возраста изданы ДетГИЗ.

К О Н К У Р С РАДИОКОМИТЕТА

Закончен и утвержден в постановлении с/езда детского художественного зала (ю молодых зарональ) Автор сценария М. Зад. Фильм будет ставиться режиссером Френкель на Киевской фабрике Украинфильм.

На Ленинградской кино-фабрике заканчивается производство новой художественной звуковой фильмом «Годы танку» — по сценарию Г. Хольмского.

НОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ

30 мая в Москве открывается новый университет культуры при Соколовском парке им. Бунина.

Вступительное слово скажет нарком просвещения Т. А. Бутов.